

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

РЕЛЬСЫ ПОД ЛУНОЙ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б94

Бушков, Александр Александрович.

Б94 Рельсы под луной / Александр Бушков. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-699-76560-7

Мы думаем, что о Великой Отечественной войне мы знаем всё. Или почти всё. Знаем о чудовищных потерях, о непереносимой боли, о страданиях, страхах и лишениях. Об этом ведь столько уже написано! Но кто поверит, что у войны есть скрытая, тайная, мистическая сторона, о которой фронтовики либо вообще не рассказывают, либо — с большой неохотой. Будто опасаются, что их могут принять за сумасшедших или за отъявленных лгунов. Так что же там, в сгустке человеческих страстей, окутанных смертью, происходило? Было ли это плодом истерзанного войной замутненного сознания или же это — то самое, что мы с благоговейным ужасом и шепотом называем коротким словом «жуть»?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-76560-7

© Бушков А., 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ЗВЕРЬ В ДОМЕ

Вы, Сан Саныч, по молодости лет тех времен не помните, а я их застал студентом. Поздний ребенок, знаете, но это к делу отношения не имеет. В общем, в «оттепель», в конце пятидесятых, как-то вдруг, внезапно стало можно писать обо всем, что раньше в диалектический материализм никак не вписывалось. Припечатывалось «мистикой» и прочими малоприятными ярлыками. Именно тогда стали всерьез посылать экспедиции на поиски снежного человека, появилась масса статей и книг о телепатии, о «летающих тарелочках», об Атлантиде и прочем... Ну, вы сами знаете.

Так вот. Было это где-то в конце пятьдесят девятого. Мы как раз получили новую квартиру на Васильевском, гораздо лучше старой, да и Васькин остров — это вам не Охта. Было застолье, конечно, довольно скромное. Отец всегда пил мало, скорее пригубливал, но в тот раз изрядно расслабился. Получилось так, что сидели мы с ним вдвоем, и разговор, не помню уж, каким образом,

ЗВЕРЬ В ДОМЕ _____

перескочил на те самые, как бы выразиться, чудеса и явления. Я ими интересовался со всем пылом, газетные вырезки собирал в папки, бегал на лекции и диспуты, мать иногда ворчала, что выходит во вред учебе... Отец с некоторых пор тоже как бы заинтересовался. Иногда брал читать папку-другую, читал старательно (он все делал старательно), но никогда со мной прочитанного не обсуждал, вообще не давал понять, как он ко всему этому относится. А вот теперь, подвыпивши, взял и рассказал. Передаю, как помню.

...Летом двадцать второго засиделся я в Забайкалье, как старый дед за печкой. И пулю вынули, и все зажило, но эскулапы назад в строй категорически не пускали. Что-то им не нравилось в левом легком — то ли хрипы не те, то ли затемнения, то ли что-то еще. Солидные были врачи, военные хирурги с большим стажем, один даже участвовал в русско-турецкой войне. Так что военком к ним относился с большим уважением. И никаких моих заверений, что я себя чувствую полностью здоровым, слушать не желал. А самовольно сбегать в свою часть... Это не восемнадцатый год, не девятнадцатый, когда, случалось, из госпиталей сбегали и с не зажившими до конца ранами, и это преспокойно сходило с рук. В двадцать втором дисциплина в армии уже была потверже. И по военной, и по партийной линии попало бы нешуточно...

Сказали они мне так: два месяца, не меньше, жить на положении выздоравливающего. Климат здешний полезен для легких, окрепнете окончательно — и пожалуйте на службу. А военком (мужик был суровый и бесхитростный) пригрозил, если что, пришить дезертирство с «госпитального фронта».

Неделю я тихо бесился. Даже под большим секретом раздобыл бутылку самогона и употребил до дна, но не помогло — не особенный я любитель спиртного, голова наутро раскалывалась, выворачивало наизнанку, так что никакой пользы.

И вот тут-то, когда я уже отболел, находят меня начальник уездной ЧК с довольно ответственным партийным товарищем. И с ходу, без всяких китайских церемоний, предлагают эти два месяца поработать в ЧК. Очень уж подходящая кандидатура: по происхождению из учителей, то есть можно сказать, трудовой интеллигенции, почти окончил университет, кроме последнего курса, член партии с шестнадцатого года, в Красной Армии с восемнадцатого, кавалерийский командир, характеристики отличные... Начальник ЧК сказал честно: с кадрами у него обстоит ахово, да и кадры эти, как говорится, «гимназиев не кончали», кто-то еще справляется благодаря природной сметке, а есть такие, что... С врачами, меня заверили, есть договоренность. ЧК — это как-никак не армия,

требования к здоровью не такие суровые. Одним словом, врачи согласны.

(Уже потом, когда с начальником мы чуточку познакомились, он, подмигивая, рассказал, что заверил эскулапов: «Да он у нас бумажки писать будет с утра до ночи, зашиваюсь без грамотного делопроизводства. Мужик был простой, из бывших железнодорожных слесарей, но весьма неглупый и хитрый, как сто чертей.»)

Согласился я сразу. Одного опасался — как бы меня через два месяца не оставили там насовсем, мало ли что им в голову взбредет при острой нехватке квалифицированных кадров. Но оба меня заверили честным партийным словом, что такого не будет.

И события, можно сказать, понеслись. Конечно, за бумажки меня никто усаживать и не собирався. Получил коня, наган и браунинг, на несколько дней поступил «в науку» к опытному человеку — и с ходу мне определили самостоятельный фронт работ. Не такой уж обширный, сложный и пугающий. Старший группы по ликвидации банды Семена Бармина.

С одной стороны, поручение выглядело легким — в тех местах в двадцать втором банд гуляло немало, иные по сотне-две сабель. А у Бармина, по агентурным данным, никогда не было больше трех-четырёх человек. А вот с другой...

Очень своеобразной фигурой был этот Бар-

мин. Лет под пятьдесят, местный, бывший кулак высокого полета, тайгу и уезд знал как свои пять пальцев. Что интересно, никогда не пробовал прикрыться хотя бы намеком на «идейность». Практически все атаманы (даже те, кто был не более чем чистойшей воды бандитом) себя представляли борцами за идею: так, конечно, гораздо приличнее выглядит... Бармин этого никогда и не пытался делать. Если уж называть вещи своими именами, к Советской власти он относился как-то равнодушно, что ли. Нет, конечно, ненавидел за то, что всего лишился, но никогда не вел систематического террора против ее представителей — не то что, скажем, есаул Скойбеда или Короватов. Бармин попросту грабил, все, что удастся, и всех, кого удастся: приисковые конторы, всевозможные кассы, нэпманов, пункты заготпушнины... Брал исключительно золото и пушнину, болтали, где-то в тайге у него был надежный тайник. Вообще, по тем же скудным агентурным данным, он собирался до холодов со всем «нажитым» уйти в Китай, благо было не так уж и далеко. Собственно говоря, как мне потом доверительно шепнули, абсолютно никакой политической подоплеки в действиях Бармина не усматривалось, еще в самом начале, два года назад, его бы следовало пустить по линии уголовного розыска, чтобы хоть немного разгрузить ЧК. Но нашелся один ретивый товарищ, захотел отличиться на «деле Бармина»,

ЗВЕРЬ В ДОМЕ _____

настоял, что оно все же политическое, возглавил охоту — и получил пулю в спину где-то в тайге уже через пару месяцев. А дело осталось...

Но это все была присказка... Самое главное, Бармин был фантастически, невероятно, нечеловечески как-то даже везуч. Все ему удавалось, ни разу не схватил хламье вместо своей излюбленной добычи, всегда скрывался с добычей, уходил из всех засад — а их за два года на него немало устраивали. Один раз за эти два года удалось взять одного из его подручных — собственно, не взять, а застрелить. Ловушки на него вроде бы устраивали надежнейшие — а он всякий раз то уходил, то не появлялся вовсе. Из-за малой численности банды агентуру туда внедрить было невозможно. Один раз, с год до меня, пробовали ему подставить надежнейшего и опытного товарища под видом матерого уголовника. Товарищ исчез бесследно, ни слуху, ни духу — а ведь больше года проработал в колчаковской контрразведке неразоблаченным, Боевое Красное имел...

Городишко был маленький, немногим краше деревни. И нравы деревенские: на одном конце чихнут, на другом тут же пожелают: «Будьте здоровы!» И очень скоро меня не один и не два человека посвятили в кое-какие местные реалии...

Оказывается, по всему уезду считали, что Бармин то ли связан с нечистой силой, то ли сам колдун и чуть ли не сам сатана. Именно этим его

фантастическая везучесть в народе и объяснялась. И все бы ничего, но я однажды обнаружил, что эту точку зрения совершенно серьезно разделяет половина моей группы, аж три человека. Вот именно, верят всерьез.

Взбеленился я тогда страшно. И по причине молодости, и оттого, что был воинствующим материалистом: интеллигент в третьем поколении, студент-технолог, большевик... Не верил ни во что сверхъестественное, от колдунов до спиритизма. Ничего этого на свете быть не должно, и уж особенно смешно такое слушать в наш век развития науки и технического прогресса. Сгоряча попытался было провести среди своих мистиков разъяснительную работу, ссылаясь на научные данные, естествознание... А они смущенно отворачивались и бурчали: «Валерьяныч, ты человек городской, у вас там, за Хребтом, очень может быть, все и по-другому. А здесь глухомань, здесь всякое бывало и наверняка еще будет...» Требовал у них конкретные примеры — пожимали плечами, глаза отводили: «Так это ж все знают...»

И до того меня разозлило, что кинулся к Луганцеву, начальнику ЧК, заявить, что с такой публикой работать решительно отказываюсь. Луганцев послушал, покряхтел, сказал: «Валерьяныч, так мне ж других взять негде. Ребята-то хорошие, хваткие ребята, у каждого немало заслуг, да и идейно преданны. Иди уж, уживайся с ними

как-то, дело надо сделать, а не споры разводить». Ну, и поплелся я... уживаться. Если отбросить дурацкую мистику, ребята и правда были неплохие, хваткие, с заслугами...

Разъяснительную работу я больше не пытался вести, предвидя, что окажется бесполезно. И месяц с лишним мы всемером гонялись за Барминым. Хотя слово «гонялись» следует, безусловно, заключить в кавычки. Однажды он ограбил двух «детальных» золотоискателей, которые шли сдавать намытое золото в контору. В другой раз перехватил не так уж далеко от города нэпмана, ехавшего за каким-то товаром, золотые червонцы отобрал, бумажки оставил, дал на прощанье по шее и исчез. Оба раза мы прилежно выезжали на место, беседовали с потерпевшими, писали бумаги и возвращались в ЧК, потому что ничего другого придумать были решительно не в состоянии. Да еще раза три выезжали по дальним деревушкам, где вроде бы видели Бармина. Безрезультатно.

А потом уже нам фантастически повезло. К нам пришел сторож кооперации, большой, между прочим, хитрован, и сказал, что один его знакомый мужичок из не такой уж далекой деревни хочет... сдать Бармина. Только опасается, чтобы не увидели его входящим в здание ЧК, мало ли что потом подумают... А потому сидит на складе у приятеля-сторожа.

Разумеется, мы туда рванули быстрее лани.

Мужичок там и точно наличествовал и Бармина он собирался сдать со всем усердием. Мотив был стар как мир: шерше ля фам... Жила там одна красавица молодушка, вдова-сопатка, и наш информатор (всего-то лет тридцати) пылал к ней нешуточными чувствами. Регулярно их высказывал и регулярно же был отвергаем. После чего принялся рассуждать логически, хотя слова такого, «логика», вообще не знал. Проще всего было объяснить такое поведение красотки наличием соперника. Одной с хозяйством нелегко, а претендент на руку и сердце был хозяином справным, да еще неплохо подрабатывал охотой. В деревенской жизни романтики мало, зато прозы жизни более чем достаточно. И Ромео из медвежьего угла подумал: а нет ли у него более удачливого соперника? И какое-то время тише воды ниже травы проводил, выражаясь чекистским языком, оперативно-следственные мероприятия.

Деревня небольшая, дворов в сорок, так что задача встала не столь уж трудная. Кандидата в удачливые соперники попросту не находилось. Будь он, наш доморощенный сыщик быстро узнал бы — в деревне такого не скроешь. Зато он попутно узнал нечто не менее любопытное: к Катьке кто-то ночами похаживает.

Ничего не было известно точно. Всего-навсего ходил смутный слухок, неизвестно кем пущенный. Наш герой, используя нешуточный охотни-

чий опыт, установил за Катькиным домом самое натуральное наружное наблюдение. И на пятую ночь все-таки увидел, как из тайги (Катькин дом стоял от нее всего-то метрах в двухстах) вышел человек, вошел в дом, где и задержался всю ночь, покинув жилище лишь на рассвете.

И человек этот был Бармин, которого наш визитер прекрасно знал в лицо!

Осторожничал, конечно, туда и обратно шел сторожко, с маузером наголо — но был он, клялся и божился парень, один, никто с ним не приходил, не дожидался на опушке. Уж он-то, охотник не из последних, ошибиться никак не мог.

Как и все хорошие охотники, он был наделен нешуточным терпением. И потратил еще две недели, чтобы узнать все, что только удастся. Еще четырежды наблюдал Бармина, объявлявшегося из тайги всегда с одного и того же места. Всякий раз в среду и в пятницу, в среду и в пятницу. И решив, что больше ничего интересного не узнает (да и ни к чему, главное-то известно), без особых колебаний подался в город, в ЧК, справедливо рассудив, что уж там-то с его соперником разберутся охотно...

Время на дворе чуть перевалило за полдень пятницы!

Я не колебался ни секунды. Не было нужды особенно осторожничать — зайти речь о каком-нибудь другом атамане, серьезнее, можно опа-

саться, что этого «ревнивца» подослали, чтобы заманить нас в засаду и перещелкать, как цыплят. Но Бармин, я уже говорил, подобными штучками совершенно не баловал. Уж всемером-то мы его, баловня Фортуны...

Докладывать по начальству возможности не имелось: начальник мотался с отрядом ЧОНа где-то далеко от города, шел по следам Струкова. Да и вообще, в здании оставалась только охрана и делопроизводитель: время для нас стояло жаркое, все в разъездах. А право на самостоятельные решения у меня было...

Не особенно напрягая фантазию, мы замаскировались то ли под охотников, то ли под небольшую банду: надели обыкновенные картузы, у кого была кожанка — оставил в здании, оружие из кобур разложили по карманам, на плечо — винтовки. Вот такие вот семеро приехали к Грише-охотнику в гости, то ли поохотиться вместе, то ли, могут подумать, Гриша, оказывается, приветствует какую-то бандочку. Даже если местное население склонялось ко второму варианту, наши планы это ничем не могло нарушить: деревня глухая, небольшая, осведомителей ЧК или угро тут нет, совершенно точно известно, милиционер тоже, а председатель сельсовета поступил, как все остальные: притворился, будто нас и не видит. Народец за последние пять лет пережил столько, что сидел тише воды ниже травы. Из сорока до-